

Игорь Сычев

Легенда о каменном Мигеле

Моим дорогим братьям, Владимиру и Даниилу, с любовью посвящаю...

Книга первая

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ

Часть первая

Пролог

Русоволосый мальчик проснулся, вскочил на ноги и тревожно огляделся по сторонам. Не нужно было после сбора ягод и грибов лечь под развесистый дуб и любоваться зеленой листвой, убаюкивающе шуршащей над головой. Так он и задремал в лесу, а потому не заметил, что наступает вечер. Волновался он не за себя, а больше за маму, ведь места за городом были ему уже немного знакомы. Далеко за морем, в навсегда оставленном доме, в родных горах Иберии, никто-бы ни за кого не волновался, а здесь, в чужих краях, волей-неволей переживаешь.

Хотя, по правде, он успел полюбить маленькое королевство, в котором им пришлось поселиться, когда они бежали из родного дома. Путь в Британию был долгим и исполненным горечи, но сейчас у них снова есть свой очаг и крыша над головой, а отец даже поговаривает, что в жизни у него не было столько богатых заказчиков, и что, если дела и дальше будут идти столь хорошо, они скоро приобретут дом в самом городе. А жить под защитой валов и стен куда надежней, чем на городской окраине.

Мальчик схватил корзинку с грибами и быстро побежал по лесной тропинке в сторону города. Стройные буки таинственно серебрились по сторонам, могучие дубы и вязы продолжали шептаться, а изредка попадающееся кусты вереска опьяняли ароматом своих желтых соцветий, но маленькому грибнику было уже не до них. Нужно спешить! Эх, безопасней было-бы ходить в лес вместе со сверстниками! Но он пока ни с кем еще особо не подружился из местной детворы. Просто никто не в силах был понять его речь, а он сам, хотя и учил усердно здешний язык, знал его очень плохо. А говорить на латыни можно с добрыми отцами в монастырской школе, но уж никак не с соседями за забором. Хорошо, что мама хоть латыни его обучила с малых годов, а иначе вообще все было — бы печально... Так, быстрее, быстрее!

Лесных разбойников мальчик не боялся. Еще отец нынешнего короля окончательно истребил их в окрестностях, с тех пор о лихих людях здесь ни слуху — ни духу. Волки, правда, встречаются, но зачем волку нападать на человека в разгар лета, когда вокруг полно славной еды? Вообще, по словам отца, места тут очень тихие и безопасные. Правда, нельзя уходить далеко на север, там, где высятся горы, но почему, он пока еще толком не понял. Кто-то жил там, очень недобрый, но кто именно — ему не объясняли, а он особенно не хотел расспрашивать.

И все же хотя-бы ради мамы нужно поторопиться, ведь...

— Мигел! Мигел! Мигел! Приди и помоги нам!

Сперва мальчик замер, а потом бросился бежать со всех ног. Голос донесся из лесной чащи за его спиной, и звали его на родном наречии, но это были не мама и не папа. А здесь никто, никто кроме них не знал его языка, даже мудрый епископ Альбин...

В жизни он так не пугался. Хотя голос был добрым... И приятным... И может напрасно он от него убегает? Однако Мигел не остановился и бежал до тех пор, пока не выскочил на лесную опушку и не увидал вдали крыши знакомых домов и лачуг.

Король и епископ

— Не мне, мой король, менять традиции нашего королевства, если к тому же само время доказало их полезность — голос у епископа Альбина был задумчивым, и даже немного печальным, но спокойным — Наш народ добр, и обычай, который предстоит соблюсти принцу Кевину, делает его добрее.

Король Лугайд Катгабайл согласно кивнул ему в ответ, а епископ поднялся из-за стола и подошёл к окну. Наступали сумерки, но с высоты замковой башни можно было отчётливо различить далёкие горы Дикого Края. Солнце, скрываясь за западными лесами, посылало последние лучи на север, и окрашивало горные вершины в кровавые, густо-багряные тона. Да, внешне старый служитель церкви был совершенно спокоен, но на самом деле был взволнован и опечален. Да и поводы для волнения, что ни говори, были весомыми.

«В своё время, — подумал он — я точно также волновался за Лугайда, но все закончилось хорошо. И даже когда он предпринял ту свою безумную выходку, пострадали близкие ему люди, но он сам вернулся домой живым и здоровым. А ведь Кевин не отправляется в Запретные Земли, не

участвует в своей первой битве, так что зря тревожиться?

— А потому — заключил он и свою речь, и свои размышления, — нужно позвать мальчика, и всё ему рассказать.

— Да, отец мой.

Король подошёл к двери и отдал распоряжение ожидавшему за ней слуге. А епископ оторвал взгляд от далёких горных пейзажей и посмотрел на простёршийся под стенами крепости город. Люди на улицах торопились возвратиться домой до наступления темноты, которая густела с каждой минутой. Шум голосов стихал. Рынок опустел. В редких невысоких домах зажигались свечи и лучины. «А через семь дней Кевин будет стучать в двери этих домов, и кто знает, какая из них отворится перед ним. А потом я целый год буду лишён права хоть что-либо изменить в его судьбе, как бы она ни сложилась... Собственно, я уже лишен этого права. Но ничего не поделаешь».

Тревожился за сына и король Лугайд Катгабайл, даром, что в свое время достойно исполнил старинный обычай.

— Может, перед тем, как давать советы и наставления Кевину, вы и мне что-нибудь посоветуете? — обратился он к епископу — Все ли мы учли и обговорили?

— А что нам особенного обговаривать? — ответил епископ — Мне это не впервой, тебе тоже, а Кевин справиться, он молодец. О его жизни в монастыре можешь не беспокоиться, но что касается выбора приемных родителей, то я бы хотел, чтобы он начал поиски новой семьи с улицы оружейников.

— Не иначе, кого-то там ему уже присмотрели? — усмехнулся король.

— Присмотрел. — честно ответил епископ — Но обычай, установленный епископом Нинианом, менять не стану, и тебя об этом просить не буду, хоть как-бы я не волновался.

— А что за люди? — поинтересовался Лугайд.

— Весьма достойные. Поселились они на улице Оружейников не так давно, а прибыли к нам из далёкой южной страны Иберии. Ты помнишь, что церковные дела заставили меня полтора года назад отправиться к нашим приморским соседям, в Альт Клуйт. Произошли очередные недоразумения между тамошними христианами и язычниками, но, пользуясь нашей дружбой с королем Локрином, мне удалось все быстро и мирно уладить. Впрочем, это не важно. Важно то, что именно там я их и повстречал, измученных и несчастных, только что покинувших торговый корабль. Какие-то бедствия заставили иберийцев оставить родину, однако подробно об этом я ничего не знаю. Все их деньги

ушли на путешествие, местные наречия им были не известны, и на латинском языке они пытались просить у прохожих помощи и совета. Это дало нам возможность разговориться. Поняв, что наши края им совершенно не знакомы, я предложил им отправиться с собой, и дал немного денег для устройства в нашем городе. Прошло время, и я увидел, что люди эти оказались Господним подарком для нашего королевства.

В семье их трое. Отец — Родерик, прекрасный мастер, владеющий неизвестными для наших оружейников секретами изготовления доспехов и кольчуг. Получаются они у него более лёгкими и прочными, чем у других. Благодаря этому ремесло его стало приносить немалую прибыль, так что пару месяцев назад они смогли покинуть пригородную хижину и поселиться в уютном доме на улице Оружейников. Кроме того, Родерик пришёл ко мне и вернул полученные когда-то от меня деньги. А когда я стал возражать, заявил, что это пожертвование, и что я просто обязан употребить их во славу Божью и для пользы людей. Кстати, ваши советники, Лионель и Мерл, тоже приобрели себе его кольчуги.

— Да, что-то я слышал от них об этом оружейнике, — заметил король.

— Многие о нём уже слышали, — сказал епископ, и продолжил:

— Что касается жены Родерика, то зовут её Корнелией, и сама она — иберийская римлянка. Признаться, я редко встречал женщину настолько мудрую и благочестивую. Как и положено христианской жене, она домовита и скромна, не многоречива. Достаточно зайти к ним в дом, чтобы убедиться в её достоинствах супруги и хозяйки. Следуя вместе завету святого апостола Павла, они любят друг друга, и в послушании и благочестии растят своего сына Мигела. Я расспрашивал о них наших горожан, и все они утверждают, что никогда не видели Родерика пьянствующим в таверне (хотя человек он вполне себе компанейский), а Корнелию — бранящейся с соседками. Но в церкви я вижу их в каждый воскресный день, внимающими проповеди, приходящими к исповеди и принимающими святое причастие. И, если быть кратким, то люди эти справедливы, любят дела милосердия и смиренно и мудро ходят пред Богом своим.

— Да, отец мой, люди и впрямь весьма достойные. Я даже немного жалею о том, что мы не можем просто отдать Кевина на воспитание в эту семью, как поступили бы в соседних королевствах или в Ирландии. Но есть вероятность, что он сам их выберет.

— Есть и другая вероятность. — немного помрачнел епископ — Что он остановится в доме

Габура, братца кожевника Шеймуса, которого ты не так давно приказал казнить.

Король тоже нахмурился. Полгода назад кожевник Шеймус насмерть забил принятого им в дом паренька, хотя и знал, что мальчишки, участвующие в исполнении обычая, находятся под покровительством самого короля, родные они ему дети или нет. Некоторые говорят, что Шеймус сделал это, будучи пьяным, другие, что с досады, поскольку достоверно убедился, что ребёнок, которого он принял к себе, простой бедолага, а не королевский сын... А настоящая причина была в том, что был он жадным и злобным человеком. А хуже всего то, что его брат Габур далеко от него не ушел, и пользовался в городе дурной славой, хотя и слыл неплохим мастером.

— Да, мы рискуем... — только и промолвил король.

Епископ Альбин смотрел в ночную тьму, а с другого конца города на него смотрели окна монастыря, с которым была связана почти вся его сознательная жизнь. Там братья — монахи заканчивали свои дневные труды, дочитывали и дописывали последние строчки, приводили в порядок скриптории, завершали молитвы и благочестивые беседы. Он увидел, как в окна приюта для странников погас свет. Двадцать выкупленных из рабства мальчиков, сытых и

отдохнувших, забывающих, насколько это было возможным, ужасы прошлого, засыпали там. Завтра к ним присоединится Кевин. А через неделю они вместе пойдут по городским улицам... А волновался он по-настоящему (что греха таить) только о королевском сыне. Но не стоит сейчас думать об этом, и не стоит показывать королю Лугайду свою слабость, и умножать его отцовские тревоги.

Епископ заставил себя усмехнуться.

— Риск есть всегда и во всем. Даже пообедать мы не в силах без риска, можно ведь подавиться. А любая ваша охота, так это уже целое приключение, что уж говорить о том, чтобы оставить на долгий год родной замок. Но ведь вам, Катгабайлам, только и подавай приключения. Спроси я тебя в день исполнения обычая, что бы ты выбрал — риск и возможность выбора, либо же жизнь в семье проверенных надежных людей, что бы ты избрал?

Голос у него был ровный, усмешка искренняя, но короля ему было не обмануть.

«Вот он, наш епископ — думалось ему. — Тот человек, который пять лет жил среди диких пиктов, проповедуя им Веру Христову, и бесстрашно упрекал разнузданные шайки работорговцев за их гнусное ремесло. Тот, кто отправлялся в далёкие земли, чтоб раздобыть ценные книги и своими руками ухаживал за умирающими от морового

поветрия людьми королевства, не боясь заразиться. Кто под стрелами врагов стоял возле сражающихся воинов во время дедовских, отцовских, да уже и моих войн, готовый при первой необходимости оказать помощь раненому, или исповедовать умирающего ратника. И который так тревожится из-за того, что мой сын на год покинет отцовский кров...».

В эту минуту в дверь постучали.

Совещание

Дверь отворилась, и в комнату вошёл стройный черноволосый мальчик. Правильные черты лица, острый и умный взгляд — это и был королевский сын, Кевин. Он совершенно не походил на своего отца — светлоликого кельта с каштановыми волосами. Всё в нём напоминало римлянина, и, очень часто, когда Лугайд смотрел на сына, он поневоле вспоминал свою покойную супругу Валерию, красавицу-патрицианку, которая была доброй женой и матерью, но покинула мужа и сына год назад после тяжёлой болезни. Они думали, что не переживут горя, но время если не вылечило, то зарубцевало раны их сердец, а взаимная любовь дала силы жить дальше. А еще Кевин был похож на маленького взъерошенного ворона, за что и приобрел себе прозвище «Воронёнок».

Вслед за мальчиком вошли два воина. Это были Лионель и Мерл — ближайшие (после епископа Альбина) советники короля, храбрые ратники и мудрые военачальники. С Лугайдом они дружили с молодых годов, и вместе прошли через многие приключения, о которых по королевству и за его пределами ходили легенды. И очень часто они были верными телохранителями и для Лугайда в битвах, и для Кевина — на охоте. А также — неизменными спутниками Альбина в его странствиях и пастырских поездках.

Лионель был рыжим синеглазым мужчиной с тремя шрамами через всё лицо. Однако они не уродовали воина, а те немногие, кто знал, где он получил эти шрамы, проникались к Лионелю ещё большим уважением. Угрюмый и молчаливый, он при первой встрече производил впечатление нелюдимого ворчуна. Но достаточно было увидеть, как бегут к нему навстречу его жена и дети, когда он возвращался домой, чтобы понять, что суровость его напускная, а сам он чуткий и добрый человек.

Мерл слыл первым красавцем во всём королевстве, но был для его жителей загадкой, поскольку людей, внешне похожих на него, в тех землях не встречали никогда. Высокий, стройный, смуглый, обладатель носа с горбинкой, а также чёрных и поразительно густых бровей, пришелец из неведомых земель и далей, он был не просто

черноволосям — его волосы блестели на солнце как перья воронов и дроздов. И ещё он очень красиво пел, и ни для кого также не было секретом, что Мерл (Чёрный Дрозд) — это прозвище, полученное им в Галлии, а его настоящее имя невозможно было даже выговорить, а не то, чтобы запомнить. Больше всех о нём знал епископ Альбин, но любопытным мог объяснить не так много. А именно, что Мерл прибыл из Иверии. Но не из Ирландии (которую римляне называли Гиберния), и не из Иберии, что на юге, откуда приплыл Родерик, а из далёкой и прекрасной горной страны на Востоке, за Внутренним Морем, откуда недалеко до края земли.

При всей своей загадочной красоте Мерл был человеком скромным, хотя не таким замкнутым, как Лионель. В свои тридцать пять лет он был не женат, и, к печали первых красавиц королевства и их матерей, избегал женского общества. Начисто лишенный гордыни и надменности, он был добрым приятелем для всех своих знакомых, и преданным и верным другом для ратников королевства, деливших с ним труды и опасности. Распевая песни и балагурия, он с лёгкостью собирал вокруг себя воинов и горожан в тавернах и на площадях города, но больше всего любил членов королевской семьи, епископа Альбина и тех оставшихся в живых соратников молодости, о приключениях которых

шептались все, кому не лень, но толком о которых никто ничего не знал.

И ещё Мерл был на удивление образованным человеком. Не многие знали, что он в совершенстве владел эллинским языком (не говоря уже о языке латинском), и что в познании географии, истории и философии не уступал самым мудрым людям королевства Катгабайлов, а то и всей Британии. Когда пару лет назад Альбин уехал на епископский собор, проводимый на Острове, и взял с собой отца Элвина (ближайшего к епископу человека, и учителя юного принца), именно Мерл преподавал принцу Кевину благородные науки, и с успехом заменял отсутствующих учителей в течение полугода. Но всё же большинству он был известен исключительно как опытный и грозный воин.

Епископ, увидев вошедшего принца, улыбнулся мальчику. Король же кивнул сыну и пригласил всех присутствующих к прочному дубовому столу, который издревле, ещё при прежних королях, получил название «стол семейных совещаний». Именно за ним члены королевской семьи и их ближайшие советники обсуждали дела войны и мира, торговли и посольств, устройство праздников и вопросы, касающиеся строительства новых зданий и сооружений. Два последних года (после того, как ему исполнилось десять) Кевин нередко

присутствовал на подобных советах, и, как подобало мальчику, всегда скромно молчал и пытался вникнуть в сложные дела взрослых. После совещаний отец или епископ объясняли, если считали нужным, то, чего он не понимал. Но сегодня принц был удивлён, поскольку король сразу обратился к нему с вопросом.

— Ответь мне, сынок, сколько людей в этом замке, да и во всём королевстве знают тебя в лицо?

— Я думаю, не больше ста человек, отец мой, — ответил Кевин — вы, отец Альбин, отец Элвин, мой братик Мельдин и сестричка Бритаэль, Мерл и Кевин, страж Северной границы Федельмид и его семья, повар Ормак...

Король поднял руку, и Кевин замолчал, поняв, что необязательно перечислять всех, кто знает его в лицо.

— А ты никогда не задавал себе вопрос, почему твоё лицо неизвестно прочим людям и почему число твоих слуг и друзей так ограничено? И почему, когда ты едешь за город, чтобы поохотиться или поупражняться в военном искусстве, из замка ты выезжаешь в предрассветное время, а возвращаешься поздней ночью, и сам ты укутан в плащ с капюшоном? Почему лицо твоё при этом скрывает маска, и воины окружают тебя так плотно, что невозможно постороннему определить ни твой возраст, ни рост, ни осанку?

— Поскольку так того требует старинный обычай. — скромно ответил Кевин, и, осознав, для чего его сегодня позвали, страшно разволновался.

— Верно — кивнул король. Издавна существует в нашем королевстве обычай, по которому все королевские сыновья должны один год прожить в семье простолюдина (ремесленника или крестьянина) чтобы узнать ближе и лучше тех людей, над которыми ему, возможно, предстоит властвовать.

— И научиться угодному Богу смирению, а также кротости и любви в отношении к своим подданным, — продолжил за короля Альбин. — Никогда, мой мальчик, люди не должны превращаться для тебя в средство достижения собственных целей. Возможно, осталось не так уж долго ждать того времени, когда тебе придётся принимать сложные решения и отдавать суровые приказы. И если ты всегда будешь помнить, что воин, павший в битве, был живым человеком, любившим и любимым, неповторимым в глазах Господних, ты не начнешь ненужной войны, причина которой — твои жадность и тщеславие. И если ты будешь вспоминать детские игры твоих сверстников из простонародья, среди которых ты будешь жить целый год, и неспешные беседы стариков, и тяжкий труд, и заботы матерей, ты не посмеешь вводить суровые налоги, которые станут

причиной несчастья и голода для бедного люда. И тогда ты откажешься от жестокости и гордыни, а если нет, то не сможешь оправдаться на суде Господнем, говоря, что не ведал того, что творил, и не знал тех, кто из-за тебя пострадал.

Кевин внимательно слушал короля и епископа, и глаза его были широко раскрыты, а сердце сильно колотилось. Ведь вот оно, возможное исполнение его «Третьей заветной мечты»! Но пока он молчал, а епископ продолжал свою речь.

— Когда-то давно этот обычай был формальным, ничем не отличавшимся от традиции королей Британии и Ирландии отдавать сыновей на воспитание в чужие семьи. Семью эту для принца выбирали заведомо, все во дворце знали, где он и что с ним, и естественно, опекавшие его люди относились к нему не как к простому ребёнку, а как к королевскому сыну. Однако мой предшественник — епископ Ниниан, придал обычаю простоту и суровость, а также усовершенствовал его. Со времени его реформ немногим людям известны внешность и возраст королевских сыновей. А епископ стал ездить на побережье и выкупать у пиратов мальчиков, потерявших кров и семью, и кого-то из них воспитывал священниками и монахами (если видел, что у них есть к этому склонность), а других посылал в город на поиски приёмных родителей. И вместе с ними, тайно, под

видом выкупленного пленника, отправлялся королевский сын, дабы найти себе временное пристанище и пожить жизнью простолюдина. Не всегда принцы были среди этих мальчиков, но король выделял щедрую награду каждой приютившей сироту семье, а знание того, что среди просящих о приюте ребят может быть будущий король, заставляло людей относиться к ним довольно сносно... зачастую.

Епископ вспомнил перекошенное лицо Шеймуса перед казнью и содрогнулся.

— И как король, скажу, — продолжил Лугайд, увидев замешательство епископа, — что с тех пор у нас в королевстве нет недостатка в добрых священниках и монахах, которые достойно исполняют свой долг учителей, врачей и наставников. И что не менее важно, — король ухмыльнулся, — даже не особенно красивые девушки находят себе мужей, и молодые вдовы, мужья которых отдали свои жизни ради блага королевства и своих сограждан, имеют возможность найти им достойную замену. Множество храбрых воинов, умелых ремесленников и удачливых торговцев выросло из этих мальчиков. Ты, конечно, знаешь, что двадцать лет назад твой друг Мерл был выкуплен отцом Альбином из рабства, но вряд ли тебе известно, что вскоре после этого он вместе со мной покинул

монастырские стены, ища себе приют у добрых людей.

Кевин бросил на Мерла быстрый взгляд, а тот улыбнулся мальчику. Пожалуй, не Альбин знал о Мерле больше всех. И на охоте, и на привалах после военных упражнений и конных прогулок, и долгими зимними вечерами возле камина, Мерл рассказывал принцу о своей родине и выпавших на его долю злоключениях. И правда из его детских воспоминаний невольно переплеталась с вымыслом. Эта река из слов уносила далеко — далеко, к южным виноградникам на горах, к народам со странными обычаями и непонятным языком, к бескрайним морям и знойным пустыням... Но о том, что сказал отец, Кевин действительно ничего раньше не знал.

Тем временем вновь заговорил епископ:

— Мы выкупали мальчиков из рабства, странствуя по соседним королевствам. И чаще всего это случалось в портовых городах, где пираты всегда ведут оживлённую торговлю рабами, попавшими им в руки из самых разных стран и народов. В своё время у епископа Ниниана зародились сомнения, не способствуем ли мы работорговле, покупая у пиратов их «товар». Он советовался об этом со мной и с твоим дедушкой, королём Мелвином Катгабайлом, и, поразмыслив, мы решили, что нисколько не способствуем.

Пиратство нельзя искоренить. Морские волки всё равно будут устраивать набеги и уводить в плен людей. А мы могли смягчить участь хоть некоторых несчастных. Если же кто-либо из возмужавших мальчиков начинал тосковать по своей родине, мы не держали их, а напротив, предоставляли всё необходимое для долгой дороги. Впрочем, ушедших было немного, а половина из них возвратилась обратно к нам.

— А девочки? Девочек вы выкупаете? — вдруг спросил Кевин, и сразу смутился. — Ну, просто так ведь не честно, помогать одним мальчишкам...

Мерл усмехнулся, но как-то горько, епископ покачал головой, но, видимо, ничуть не обиделся на мальчика за то, что тот его перебил.

— Девочки редко достигают наших портов, их чаще увозят на север, к пиктам, и ты еще узнаешь подробности про их горькую участь, когда подрастёшь. Не многое изменилось со времен правления Кередига... Разве что его дальний потомок Локрин, даром что язычник, является злейшим врагом пиратства и работорговли... Но будь уверен, когда у нас есть возможность помочь несчастным девочкам, мы им всегда помогаем. Они, если никак не могут вернуться домой, находят приют у наших сестер — монахинь или в лучших семьях королевства.